

В. ЧЕКМАН

О ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ДИАХРОНИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ В ФОНЕТИКЕ

Любое научное описание интуитивно или в явном виде рассматривается в рамках данной науки как потенциальная модель некоторого фрагмента действительности. При этом всеми понимается, что для развития науки важны модели, наиболее глубоко отражающие причинно-следственные отношения наблюдаемых явлений.

Общепринятая и естественная схема описания фонетических изменений, предполагающая их констатацию, а затем анализ вызванных этими изменениями перестроек в системе фонем, просодем и более высоких уровней языка, может быть принята в качестве гипотетической причинно-следственной модели языковых изменений. При таком подходе любое фонетическое преобразование рассматривается или как следствие взаимодействия звуков в речевом потоке, или же как результат внешнего (иноязычного или инодиалектного) воздействия¹.

Очевидно, однако, что анализируемая схема описания поддается также иному истолкованию. Именно, в качестве причин наблюдаемых изменений могут быть рассмотрены перестройки в системе фонем. В этой модели наблюдаемые фонетические переходы будут трактоваться уже как следствия преобразований в системе фонем и, может быть, в системах более высоких уровней языка. Различие между рассмотренными моделями состоит, таким образом, в том, что в первой из них причина фонетических изменений выступает как нечто внешнее по отношению к функциональным единицам языка, а во второй она оказывается имманентной, т. е. внутриязыковой по отношению к наблюдаемым явлениям.

Поскольку историческое языкознание не имеет опытной базы, то соотношение схемы описания явления и его содержательной модели оказывается здесь размытым и неопределенным. Уже в ранних работах Р. Якобсона² и

¹ Кузнецов П. С. К вопросу о происхождении аканья. — ВЯ, 1964, № 1, с. 37.

² Jakobson R. Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves. — Travaux du cercle linguistique de Prague, 1929, t. 2.

Н. Трубецкого³ методологическое требование описывать историческое явление во всех его возможных связях рассматривается одновременно и как способ выяснения имманентных причин диахронических преобразований. Однако надежды на то, что удастся обнаружить определенные закономерности в строении систем, обуславливающие изменения, не спешили оправдываться. Знаменательным является тот факт, что в „Основах фонологии“ Н. Трубецкого этот вопрос в принципе обойден.

Авторитет имманентного подхода к изучению причин диахронических преобразований был укреплен работами А. Мартине. Без особого преувеличения можно сказать, что со времени выхода в свет его „Принципа экономии“⁴ поиск внутренних причин стал символом времени. Исследования в этом направлении были чрезвычайно интенсивными. Благодаря им совершенствовались методы фонологического анализа и значительно расширился круг обследованных фонологических систем разных языков. Однако в этих работах смущало то, что для одного и того же изменения разными учеными предлагались разные „внутренние причины“, а также то, что одна и та же система (напр., позднелатинская) оказывалась способной закономерно эволюционировать в самых разных направлениях. В настоящее время фактически для каждого диахронического преобразования в каждом отдельном языке может быть предложена по крайней мере одна особая „внутренняя причина“, которая обычно при ближайшем рассмотрении оказывается просто объяснением *ad hoc*. Эта ситуация возникла потому, что, как и на ранних этапах развития структурализма, остается невыясненным, существуют ли вообще какие-либо закономерности в строении фонологических систем, предполагающие определенные изменения. Вера в эти закономерности, безусловно, существует, о чем свидетельствуют настойчивые поиски в этом направлении и научный авторитет работ, где описываются внутренние причины диахронических изменений в фонологии и морфологии. Несомненно также влияние этих идей на этимологию, где исследователи зачастую идут на самые невероятные натяжки, лишь бы только отнести анализируемое слово к числу исконных.

Для того, чтобы доказать существование внутренних причин фонетических и иных изменений, т. е. показать, что имманентная схема описания истории явления является также содержательной моделью реального процесса изменения, необходим или прямой опыт, или привлечение данных типологии. Пря-

³ Trubetzkoy N. S. Zur Entwicklung der Gutturalen in den slavischen Sprachen. — In: Sbornik v čest na prof. Ljubomir Miletič, 1933, S. 112.

⁴ Martinet A. Economie des changements phonétique. — Bern, 1955 (в рус. переводе: Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях. — М., 1960).

мой опыт мог бы заключаться в длительных наблюдениях над судьбами языков сравнительно небольших, абсолютно замкнутых и изолированных коллективов. Но результаты такого опыта имели бы для нас очень небольшое значение, поскольку языки и диалекты в нормальных условиях постоянно контактируют. „Смешанный характер всех языков“ был очевиден уже для Бодуэна де Куртенэ⁵. В настоящее время стало очевидным, что изолированные языковые коллективы — явление исключительное и всегда временное, а нормальная жизнь языка — это состояние контакта или на диалектном уровне, или между разными языками. Значит, если и существуют внутренние причины языковых изменений, то они фактически не могут проявиться в чистом виде, поскольку ход и результаты их будут неизбежно искажены вследствие иноязычного или инодиалектного влияния.

До самого недавнего времени типологи стремились к каталогизации только „некоторых общих типов изменений, дающих более или менее одинаковые результаты“⁶ вне зависимости от фонологической ситуации, в которой эти изменения происходят. Образцом такого подхода является процитированная книга Б. Серебренникова, который на исключительно богатом материале показал, что в языках мира наблюдаются определенные изменения („фреквенталии“), не связанные с определенными закономерностями структуры языков, а также с их пространственными и временными координатами. Эти наблюдения представляют собой весомый вклад в теорию диахронических изменений, однако они не подтверждают гипотезы о существовании внутренних причин в традиционном понимании этого слова.

Известны также попытки типологического изучения систем с целью выявления определенных фонологических ситуаций, предполагающих те или иные изменения. Так, В. Яковишин показал что пятичленная система гласных типа $i \quad u$ является состоянием более устойчивым по отношению

$$\begin{array}{cc} e & o \\ & a \end{array}$$

к вокалическим системам других видов. Она чаще других встречается в языках мира. Системы же типа $i \quad u, i \quad u$ или $i \quad u$ встречаются намного

$$\begin{array}{ccc} e & o & e o \\ & a & a \end{array}$$

⁵ Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. — М., 1963, т. 1, с. 362—372.

⁶ Серебренников Б. А. Вероятностные обоснования в компаративистике. — М., 1974, с. 5; здесь же изложена история исследований такого рода (с. 20—44).

реже и являются неустойчивыми, стремясь к равновесным состояниям типа i и i или i и i , и потому предполагают различного рода изменения, а е о а

способствующие достижению этих состояний⁷.

Нам, кажется, удалось обнаружить, что тембровая корреляция палатализованных — непалатализованных согласных $C-C'$, является состоянием менее устойчивым, чем противопоставление рядов палатальных и непалатальных согласных $C-\check{C}$. В истории языков с тембровой корреляцией $C-\check{C}$, наблюдаются многочисленные и разнообразные явления, способствующие ее ослаблению и превращению в $C-\check{C}$ ⁸.

Данные типологического анализа эволюции систем приводят к выводам, которые для гипотезы о существовании внутренних причин диахронических изменений имеют такое же значение, как данные характерологической типологии — для модели, рассматривающей фонетические изменения в качестве первичных по отношению к фонологическим. И в том, и в другом случае удалось выявить ситуации, в принципе допускающие возможность изменения (неустойчивые системы — трудные и неустойчивые сочетания звуков и подобные). Исторические изменения в обоих случаях являются вероятными (конвергенция или дивергенция фонем, способствующая достижению более устойчивого состояния — ликвидация трудных и неустойчивых звуков речи, упрощение сложных артикуляций и т. д.). Однако и в том и другом случае нерешенными остаются вопросы первостепенной важности для сравнительно-исторического исследования: почему все же изменения происходят в определенное время и на определенной территории?

Время существования и территория распространения — не внутренние, а внешние характеристики языка. То, что изменения происходят в определенное время и на определенном пространстве, заставляет думать, что непосредственные причины их тесно связаны именно с этими экстралингвистическими факторами. Понятно также, что ни время, ни пространство сами по себе не могут вызвать изменений. Остается предположить, что территория диахронических изменений и время их развития обусловлены прежде всего взаимодействием данного языка (диалекта) с окружающим его языковым

⁷ Яковишин В. С. К развитию систем прагерманского вокализма (доумлаутный период). — ВЯ, 1969, № 4, с. 26—34.

⁸ Чэкман В. М. Гісторыя проціпастаўленняў па цвёрдасці—мяккасці ў беларускай мове. — Мінск, 1970, с. 7—46.

миром, или же его историческими контактами с языками, некогда существовавшими на данной территории (субстрат, адстрат, суперстрат).

Прямым, а потому наиболее ярким и очевидным результатом интенсивных контактов являются языковые союзы типа балканского или кавказского⁹. Для языков, расположенных в этих географических зонах, характерны многочисленные общие изменения, имеющие, как правило, разный системный статус в разных языках¹⁰. Если строго и последовательно придерживаться принципов имманентного анализа, то, учитывая последнее обстоятельство, одному и тому же изменению следует приписать разные внутренние причины. Однако историей были поставлены многочисленные эксперименты, позволяющие иногда шаг за шагом проследить преобразования в языках, попавших в сферу влияния языковых союзов (напр., в болгарском и македонском на Балканах¹¹, осетинском на северном Кавказе), развившиеся именно вследствие языковых контактов, хотя при желании даже аналитический строй болгарского языка или появление абруптивов в осетинском можно убедительно объяснить реализацией некоторых „внутренних тенденций“.

Понятие „языковой союз“ Р. Якобсон расширил на ареалы, объединенные каким-либо одним общим явлением. По такому принципу им был очерчен „евроазиатский языковой союз“, характеризующийся противопоставлением по твердости — мягкости¹². Эта идея стимулировала поиски аналогичных союзов, образованных другими явлениями. А. Одрикур, напр., показал, что в языках юго-восточной Азии (за исключением группы мон), независимо от их генетической принадлежности, не допускаются (оглушаются) звонкие губные согласные. Характерна сама постановка вопроса этим исследователем — „распространение фонетического явления или фонологическая эволюция“?¹³

⁹ Schaller H. W. *Die Balkansprachen. Eine Einführung in die Balkanphilologie.* — Heidelberg, 1975; Церетели Г. В. О языковом родстве и языковых союзах. — ВЯ, 1968, № 3, с. 3—18.

¹⁰ Цыхун Г. А. Синтаксис местоименных клитик в южно-славянских языках. — Минск, 1968, с. 3—12 и др.

¹¹ Skok P. O bulgarskom jeziku u svjetlosti balkanistike. — *Južnoslovenski filolog*, 1933, t. 12, с. 73—146.

¹² Jakobson R. Über die phonologischen Sprachbünde. — *TCLP*, 1931, Bd. 4, S. 236; Skalička V. Zur Charakteristik des euroasischen Sprachbundes. — *Archiv Orientalny*, 1933—1934, t. 6, S. 46. Формальные критерии языкового союза были недавно предложены Г. Шаллером (Schaller H. W. *Op. cit.*, S. 29).

¹³ Haudricourt A. G. Propagation phonétique ou l'évolution phonologique? (Assourdissement et sonorisation d'occlusives dans l'Asie du Sud-Est.). — *BSL*, 1947, t. 43, f. 1, N 126, p. 37.

При ближайшем рассмотрении оказывается, что очень многие явления привязаны к определенным географическим регионам, хотя там функционируют языки, имеющие разные фонологические системы. Так, в языках северного средиземноморья наблюдается, например, очень характерное изменение $l > l' > (j)$ после губных, заднеязычных, а в южных хорватских говорах — и после t, d . Другие параллели в фонетической эволюции романских и новогреческих говоров приведены в основательно забытой работе К. Дитриха¹⁴.

В языках и диалектах, примыкающих к Балтийскому морю, независимо от их генетического родства, развилась прерывистая интонация (в шведском, литовских и латышских говорах, в ливском)¹⁵.

К зоне распространения русского аканья на юго-востоке примыкают мордовские говоры¹⁶, а на западе — восточные литовские¹⁷.

Таких зональных явлений, охватывающих в разной степени родственные и/или неродственные языки, к настоящему времени выявлено значительное количество. В Европе, напр., по ряду изоглосс четко выделяются атлантическая зона (английский, французский, испанский, итальянский и некоторые другие романские языки), центральная, балканская и восточная (которую образуют славянские языки и неславянские языки бассейнов Волги и Сев. Двины)¹⁸. В границах этих зон вырисовываются ареалы, образуемые несколькими¹⁹ или каким-либо одним характерным явлением²⁰.

Лингвогеографические ареалы Африканского континента описаны Б. Хайне, Азиатского — В. Таули²¹; на факт удивительного фонетического единообра-

¹⁴ Dietrich K. Neugriechisches und Romanisches. II. — KZ, 1904, Bd. 39, S. 81—136.

¹⁵ Иванов Вяч. В. О прерывистой интонации в латышском языке. — In: Rakstu krājums ... Dr. Jānim Endzelīnam.... Rīgā, 1959, с. 133—148.

¹⁶ Stipa G. Phonetische Wechselwirkungen zwischen Mokschamordwinischen und Russischen. — Ural-Altische Jahrbücher, 1952, Bd. 24, S. 59—64.

¹⁷ Czekman W. Akanie. Istota zjawiska i jego pochodzenie. — Slavia Orientalis, 1975, t. 3, s. 303—305.

¹⁸ Lewy E. Der Bau der europäischen Sprachen. — Dublin, 1942, с. 87—98.

¹⁹ Brosnahan L. F. The Sounds of Language. An Inquiry into the Role of Genetic Factors in the Development of Sounds Systems. — Cambridge, 1961; Falkenhahn V. Die Sprachgeographische Lage der baltoslawischen Sprachen als Ursache für ihre Besonderheiten. — Zfsl, 1968, Bd. 13 (2), S. 227 et pass.

²⁰ Birnbaum H. Problems of Typological and Genetic Linguistics Viewed in a Generative Framework. — The Hague—Paris, 1970, p. 38.

²¹ Heine B. Language typology and convergence areas in Africa. — Linguistics, 1975, N 144, p. 27—45; Tauli V. The Structural Tendencies of Language. I. General Tendencies. — Helsinki, 1958.

зия языков Австралии указал А. Кейпелл²², ареальные связи языков центральной Америки обрисованы Т. Кауфманом²³ и т. д.

Существование многочисленных ареалов и подареалов такого рода очень наглядно и очень убедительно свидетельствует о той выдающейся роли, которую языковые контакты играют в стимулировании диахронических изменений. Навязанный, „принудительный“ характер межъязыковых изоглосс в ряде случаев совершенно очевиден. В то же время они зафиксированы в разных фонетических и фонологических условиях и нередко затрагивают разные подсистемы иных уровней языка. Естественно, что, как уже говорилось, таким изменениям легко приписать совершенно разные внутренние причины. Приведем в связи с этим один очень характерный пример. Смещение глухих и звонких согласных в северных русских говорах В. Колесов объясняет образованием общей для всех противопоставлений по глухости—звонкости позиции нейтрализации в конце слов (падение редуцированных — появление звонких в конце слов — начало их оглушения и смещения по этой причине глухих и звонких вообще²⁴). С логической точки зрения, рассуждение безупречное. Однако аналогичное явление в латышских и литовских говорах можно объяснять именно отсутствием регулярной нейтрализации глухих и звонких вследствие особенностей строения слова. Действительно, отсутствие общей позиции нейтрализации ослабляет соответствующую корреляцию. Однако и в одном, и в другом случае смещение глухих и звонких безусловно отражает влияние прибалтийско-финского субстрата²⁵ и не обусловлено какими-либо особенностями строения фонологических систем соответствующих языков. Конечно, благодаря этим особенностям влияние субстрата может отразиться в указанных языках с разной степенью интен-

²² Capell A. Sound system in Australia. — *Phonetica*, 1967, vol. 16 (2), p. 85—110.

²³ Kaufmann T. Areal linguistics and Middle America. — In: *Current Trends in Linguistics*, 1973, vol. 11, p. 459—483; Winter W. Areal linguistics: some general considerations, *ibid.*, p. 135—148; Henderson E. J. A. The topography of certain phonetic and morphological characteristics of South East Asian languages. — *Lingua*, 1965, N 15, p. 400—434; Emeneau M. B. India as a linguistic area. — *Lg*, 1956, N 32, p. 3—16; Boas F. *Race, Language and Culture*. — N. Y., 1940, p. 215—225; Haas M. *The Prehistory of Language*. — The Hague, 1969, p. 78—97. Содержательное рассмотрение затронутой проблемы см. в работе: Вупон Th. *Historical Linguistics*. — London—New York—Melbourne, 1978, p. 244—256.

²⁴ Колесов В. В. Севернорусские чередования согласных, парных по глухости—звонкости. — *Вестник ЛГУ. Сер. истории яз. и лит-ры*, 1963, вып. 1, с. 108 и след.

²⁵ Kiparsky V. *Slavische und baltische b/p-Fälle*. — *ScSl*, 1968, Bd. 15, S. 73—97, 3—97; Глускина С. М. Мена звонких и глухих согласных в псковских говорах. — В кн.: *Псковские говоры*, 1973, с. 35—51.

сивности и дать несколько отличные фонетические результаты, но это уже особый вопрос.

Гораздо труднее оценить ту роль, которую языковые контакты играют в стимулировании фреквентных фонетических изменений. Фреквенталии, подобно зональным явлениям, не связаны с особыми характеристиками фонологических систем. Есть веские основания согласиться с теми учеными, которые их развитие связывают с универсальными особенностями строения речевого потока, если речь идет о фонетике, отражающими, в конечном итоге, определенные свойства речевого аппарата человека. Но очевидно также, что если бы они вызывались только этими или преимущественно этими факторами, то в языках мира абсолютно преобладали бы одни и те же изменения, протекающие приблизительно с одинаковой скоростью.

Следует обратить внимание на то, что особенности строения языка как явления преемственного, наследуемого путем подражания, не могут быть обусловлены только физиологическими факторами. Артикуляционные навыки произношения „трудных“ звуков и „неустойчивых“ звукосочетаний, составляющие специфику каждого языка, с успехом передаются по наследству, а их носители совсем не подозревают, что произносимое ими является трудным, нетипичным или неустойчивым в каком-либо отношении. Точно так же в течение длительного времени могут превосходно функционировать разного рода асимметричные, промежуточные или неустойчивые фонологические системы. Как основному инструменту общения языку необходима стабильность²⁶. Преемственность языка и способ передачи его от поколения к поколению способствуют сохранению этой стабильности. Поэтому фреквентные фонетические изменения могут рассматриваться как нежелательные шумы, помехи при функционировании языка. Нежелательными, но, как показывает история разных языков, практически неизбежными²⁷. Поскольку эти „помехи“ привязаны к определенному времени и пространству, очень

²⁶ „В каждом обществе существует и должна существовать сильная тенденция сохранить систему языка неизменной. Язык представляет собой основной способ коммуникации, и быстрые изменения в нем могут привести к тому, что он станет неспособным выполнять свои функции. Большое внимание лингвистов к историческому аспекту, в частности, к истории индоевропейских языков, способствовали затемнению этого фундаментального факта“ (Sommerfelt A. *Language, society and culture*. — In: *Diachronic and Synchronic Aspects of Language*. 's-Gravenhage, 1962, p. 109.

²⁷ В качестве примера удивительной устойчивости языка обычно приводят исландский, лишь незначительно изменившийся на протяжении последнего тысячелетия. Этому способствовало, безусловно, изолированное положение Исландии и слабые контакты ее обитателей с носителями других языков.

правдоподобно выглядит предположение о том, что само их возникновение также является следствием языковых контактов.

В пользу данного предположения можно привести очень веские доводы. Так, было замечено, что артикуляционные базы контактирующих языков и диалектов являются неустойчивыми. Напр., в говорах белорусско-литовского пограничья при относительной устойчивости консонантизма наблюдается „диффузность вокалических единиц, проявляющаяся либо ... в тенденции к фонетически усредненному, смазанному типу, составляющему лишь необходимый вокалический фон ... либо, наоборот, в бесконечном свободном варьировании гласных по фонетической шкале (как напр., в говорах западного Полесья“²⁸). Вообще, вариативность фонетических единиц в таких условиях — явление хорошо известное и многократно описанное. Это обстоятельство нам кажется очень важным для понимания механизмов фреквентных изменений. Ведь „разбалтывание“, „размазывание“ артикуляционной базы означает разрушение сложившихся в течение предшествующих периодов артикуляционных привычек-стереотипов. В этой ситуации с большой долей вероятности возможен „пересмотр“ привычного, усвоенного традиционно, с точки зрения его соответствия особенностям строения данной артикуляционной базы. Допустимыми становятся также изменения, вызываемые и обуславливаемые постоянным взаимодействием звуков в речевом потоке. Как следствия реализации этих тенденций мы наблюдаем упрощение групп согласных, перераспределение дифференциальных признаков между согласными и гласными в рамках слога, монофтонгизации и другие явления, относящиеся к наиболее частым в языках мира.

Далее, вследствие вариативности фонетических единиц соответствующие фонологические противопоставления в контактирующих говорах и языках перестают быть строгими. Это, видимо, способствует выравниванию и упрощению фонологических систем, а также дает импульс для реализации изменений, способствующих возникновению более устойчивых, равновесных состояний. Сами же устойчивые фонологические состояния, следует думать, являются отражением наиболее рациональной нагрузки артикуляциями речевого тракта с точки зрения или основных характеристик артикуляционной базы, сохраняющей стабильность в ходе контактов, или же особенностей строения речевого аппарата вообще.

С другой стороны, в результате интерференции, вследствие „давления“ одной из систем могут возникать и гибридные, нетипичные противопоставления

²⁸ Судник Т. М., Толстая С. М., Топоров В. Н. К характеристике южной части балтийско-славянского языкового союза. — Сов. славяноведение, 1967, № 2, с. 47.

фонем или обычно не сочетающиеся подсистемы. Не исключено, что неустойчивое состояние в дальнейшем может быть законсервировано, но не исключено также, что последующие преобразования, направленные на устранение неустойчивости, будут постепенно осуществляться без вмешательства извне.

Таким образом, учет роли контактов в осуществлении языковых изменений вовсе не означает принижение или отрицание необходимости лингвистического анализа их последствий, т. е. того, что связано с кругом задач имманентного структурного анализа. Не отрицается также и существование некоторых закономерностей во взаимоотношениях между отдельными фонологическими единицами и их подсистемами, хотя они изучены совершенно недостаточно. Мы утверждаем только, что гипотеза о приоритете „внутренних причин“ в осуществлении диахронических изменений в фонетике является совершенно необоснованной с точки зрения как лингвогеографии, так и типологии исторических изменений. Поэтому общепринятая схема лингвистического описания истории явлений, о которой говорилось в начале статьи, не может автоматически претендовать на роль модели их происхождения.

Такие общие выводы не являются ни совершенно новыми, ни совершенно оригинальными. Безусловно также, что они нуждаются в дальнейшей конкретизации, однако это уже особая задача. Сейчас отметим только, что аналогичные мысли можно найти в ряде работ А. Мартине²⁹, под флагом идей которого в последние десятилетия развивалась имманентная диахроническая фонология (да и диахроническое языкознание вообще). Необходимость учета ареальных факторов в исторических исследованиях настойчиво подчеркивал А. Соммерфельт, по мнению которого „изменения в фонетических системах кажутся загадочными главным образом потому, что мы не располагаем фактами истории, которые бы дали возможность их объяснить“³⁰. Творчество А. Соммерфельта оказало несомненное влияние на У. Вейнрейха и У. Лабова. Последний, основываясь на фактах, добытых в ходе скрупулезного анализа фонетических изменений, наблюдаемых в настоящее время, утверждает: „Сейчас уже невозможно всерьез настаивать на том, что лингвист может ограничить свои объяснения языкового изменения взаимным влиянием элементов, имеющих смысловозначительную функцию“³¹. Таким образом, становится очевидным, что социолингвистическое исследование наблюдаемых языковых

²⁹ Martinet A. Evolution des langues et reconstruction. — Paris, 1975, p. 43, 75, 223; его же. Observation sur l'évolution phonologique du tokharien. — In: Studia indoeuropejskie. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1974, p. 129.

³⁰ Sommerfelt A. Op. cit., p. 109.

³¹ Лабов У. О механизмах языковых изменений. — В кн.: Новое в лингвистике. М., 1975, т. 7, с. 228.

изменений оказывается тем необходимым экспериментом, результаты которого позволяют говорить о языковых контактах как несомненном факторе диахронических преобразований в языке.

Считаем, что результаты общего рассмотрения проблемы, анализируемой в данной статье, позволяют утверждать следующее:

— ареал фонетического изменения и сведения об эпохе его осуществления дают ключ для расшифровки первичных причин его развития и механизмов распространения. Этот вывод следует из положения о том, что ареал распространения и время осуществления исторического изменения являются характеристиками социолингвистической ситуации, в которой функционирует язык, а не его структуры;

— наблюдаемые особенности фонетической реализации диахронических явлений в данном ареале и степень их интенсивности безусловно зависят от особенностей строения тех фонологических систем, в рамках которых они развиваются;

— ареальный анализ представляет собой необходимый этап диахронического исследования или: динамическая модель изменения (трактуемая как его имманентная теория) должна быть дополнена ареальными характеристиками явления (иначе она не полна);

— возможные ареальные связи диахронических явлений должны исследоваться на каждом этапе лингвистического анализа, начиная от фиксации самого факта изменения (определение его изоглоссы) и кончая попытками осмыслить его роль в изменении структуры языка;

— можно думать, что эпохе многочисленных фонетических преобразований в истории данного языка (зональных и фреквентных) всегда предшествует эпоха интенсивных языковых контактов (будь то поглощение субстрата или адстрата, эпоха билингвизма или же взаимодействие между его диалектами, образовавшимися в результате пограничных контактов).